

*Отрывок из новой книги
о битве за Москву*

А

лександр Ильич Лизюков, полковник, командир 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, затем командир Северной группы войск обороны Москвы...

Его судьба сразу после трагической гибели летом 1942 года в танковом бою под Воронежем стала распадаться на отдельные легенды. Легенды эти же покрывались туманом недомолвок и домыслов, так что собрать их воедино и восстановить истинную картину жизни и подвигов героя долгое время представлялось невозможным. Только когда были опубликованы штабные документы, донесения, а также свидетельства очевидцев, туман стал рассеиваться. Появились публикации, в основном под рубрикой «Забытый герой»...

1

Двадцать шестого марта 1900 года, в день Св. Великомученика Александра, в Гомеле в семье учителя Ильи Устиновича Лизюкова родился сын. Нарекли Александром. У будущего танкового командира РККА было два брата: старший — Евгений и младший — Петр. Вскоре после рождения Петра умерла мать. А затем

Илья Устинович получил место директора школы в селе Нисимковичи. Сыновья остались в Гомеле, жили в семье брата отца Афанасия Устиновича и его жены Варвары Терентьевны. Забегая вперед, стоит упомянуть об одном любопытном и, скорее, даже трогательном факте из жизни семейства Лизюковых. В 1938 году, когда дядя Афанасия уже не было на свете, Александр Ильич для вдовствующей тети Варвары в благодарность за материнскую заботу о нем и его братьях построил в Гомеле на улице Рабочей дом. Лизюковы в нем живут до сих пор.

В этом семействе царил культ образования.

Александр окончил шесть классов гимназии и вскоре — шел 1919 год — добровольцем вступил в Красную Армию. Вчерашнего гимназиста тут же направили на учебу в Смоленск на артиллерийские командные курсы. Осенью 1919 года молодой краском получил свое первое назначение — в 58-ю стрелковую дивизию 12-й армии Юго-Западного фронта на должность командира огневого взвода артиллерийской батареи.

Дивизия почти не выходила из боев — то с белой гвардией генерала Деникина, то с гайдамаками Петлюры.

Военная карьера Александра с самого начала заметно пошла в гору. Летом 1920 года Лизюков возглавил маршевую батарею 7-й стрелковой дивизии, а два месяца спустя назначен начальником артиллерии бронепоезда «Коммунар». Не тогда ли он понял, что артиллерия на механической тяге куда мобильней и мощнее, чем на конной. Как бы там ни было, но через год Лизюков уже был курсантом Высшей автобронетанковой школы в Петрограде. После окончания курса обучения в сентябре 1923 года направлен в команду бронепоезда «Имени Троцкого» на должность заместителя командира. Бронепоезд принадлежал 5-й армии и дислоцировался на Дальнем Востоке.

Дальний Восток, так сложилось, стал настоящей школой для командиров Красной Армии. Школа эта была суровой, воспитывала жестоко, но основательно. Дальневосточники вскоре покажут себя в песках Монголии на Халхин-Голе, в карельских снегах во время советско-финляндской войны и на полях Великой Отечественной. Командиры рот и батальонов станут командирами корпусов, командующими армиями, генералами. Комдивы и комкоры — маршалами. Г.К. Жуков, И.И. Федюнинский, И.С. Конев, Н.Э. Берзарин, И.П. Рослый...

Осенью 1924 года Лизюков поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Учился с легкостью и азартом. В это время, когда он окончательно определился в выборе своего дальнейшего пути и застегнул себя в армейскую гимнастерку, его окликнуло давнее, еще гимназическое влечение — литературное творчество. Вначале он, человек военный, пытался погасить его писанием военно-технических статей для различных периодических изданий и брошюр, но творец в нем уже проснулся, и пошли стихи. Лизюкова пригласили в редколлегия журнала «Красные зори». С тех пор он начал довольно активно публиковать лучшее из своего литературного творчества. В то время на молодых поэтов оказывали сильное влияние Маяковский, Есенин и Демьян Бедный. Вот образчик творчества краскома Лизюкова:

Нашу родину рабочих
И отечество крестьян
Не задушит, не подточит
Ни буржуй, ни наглый пан!..

Думаю, читатель сам определит, чье здесь влияние сильнее.

В это время Лизюков много читал, конспектировал прочитанное. Много писал сам. Сочинял. Старался не пропускать выступления известных поэтов, чьи имена тогда гремели и собирали большие залы: Маяковского, Есенина. Увлёкся театром. Постановки Шекспира, Мольера, Чехова, Островского... Читал оригиналы

пес. Его восхищали острота диалогов и блеск монологов героев. Прекрасное знание театра, драматургии помогут ему выжить в «Крестах» после ареста и нелепого обвинения в намерении «таранить Мавзолей с членами правительства во время парада».

В 1927 году он окончил академию и был приглашен на преподавательскую работу в Ленинград на бронетанковые курсы, которые когда-то заканчивал. Затем преподавал тактику в Военно-технической академии им. Дзержинского на факультете моторизации и механизации. Два года руководил редакционно-издательской частью в техническом штабе РККА. И только в 1933 году его просьба направить в войска была, наконец, удовлетворена — он получил танковый батальон. Батальон дислоцировался под Наро-Фоминском Московской области и входил в состав бригады им. К.Б. Калиновского. Через год на базе батальона сформировали отдельный тяжелый танковый полк.

В 1936 году Лизюкову присвоили звание полковника и назначили командиром 6-й тяжелой танковой бригады им. С.М. Кирова. Бригада базировалась в Слуцке и входила в Ленинградский военный округ. На вооружении бригады стояли танки Т-28 и Т-35.

Генерал-майор танковых войск В.А. Опарин вспоминал о своем сослуживце: «Лизюков отдал много сил формированию бригады и подготовке кадров танкистов. Можно так выразиться: от его глаз и ушей ничто важное не ускользало... Очень серьезно Лизюков занимался вождением. Он смело экспериментировал в этом деле, требовал водить танки на больших скоростях, преодолевать лесные зоны, овраги, гористые участки. И какие замечательные механики-водители были воспитаны в нашей части!»

Бригада стала образцовой. За успехи в боевой подготовке полковник А.И. Лизюков был награжден орденом Ленина. Орден Ленина — в то время высшая награда страны.

Аресты командиров и политработников, прошедшие в округах в 1937 году, «дело Тухачевского», скорый суд над участниками «военно-фашистского заговора» в Красной Армии и расстрелы маршалов и командармов, казалось, не коснулись ни полковника Лизюкова, ни его товарищей. Да и не могли коснуться, ведь он служил родине и партии честно, отдавая всего себя танковому делу, бригаде, войскам.

2

В ноябре того же 1937 года, когда разговоры об июньском расстреле начали утихать, взяли бывшего начальника Автобронетанкового управления РККА, а в то время особоуполномоченного СНК СССР по связи И.А. Халепского.¹ Он не выдержал допросов с пристрастием и подписал все, что ему инкриминировали — участие в «военно-фашистском заговоре», — а по ходу разбирательства оговорил более ста человек из числа своих сослуживцев и подчиненных, в том числе и бывших. В тот черный список, который сотрудники НКВД тут же кинулись разрабатывать, попал и Лизюков.

То ли во время допросов Халепского, то ли уже Лизюкова, арестованного 8 февраля 1938 года, следователи придумали следующий сюжет: Лизюков «собирался совершить террористический акт в отношении наркома Ворошилова и других руководителей ВКП(б) и советского правительства путем наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов».

Почти два года длилось следствие. Лизюкова держали в одиночной камере внутренней тюрьмы Управления государственной безопасности НКВД Ленинградской области, которую в народе именовали «Крестами». Это был период ежовского тер-

пора. В «Крестах» в то время камеры были забиты военными. В августе того же 37-го в грузовом автофургоне с надписью «Хлеб» сюда привезли снятого с поезда за несколько остановок до Ленинграда командира 5-го кавалерийского корпуса, дислоцированного в Пскове, комдива К.К. Рокоссовского. А из Дома предварительного заключения НКВД, прозванного «Большим домом», перевели поэта Николая Заболоцкого, автора поэмы «Торжество земледелия». На допросы их вели по одним и тем же коридорам. Возможно, и ребра ломали в одной и той же пыточной камере.

Воспоминания о Лизюкове периода пребывания в «Крестах» оставил генерал-лейтенант, а в то время полковник И.С. Стрельбицкий. Стрельбицкий в октябре 1941 года будет командовать Подольским артиллерийским училищем и выведет своих курсантов и офицеров-преподавателей на Ильинский рубеж Можайской линии обороны, чтобы остановить немецкие колонны, идущие по Варшавскому шоссе к Москве.

Они познакомились в холодном коридоре тюрьмы в ожидании допроса. «Меня поставили к стене лицом, — вспоминал генерал Стрельбицкий, — и велели не разговаривать. Я успел в соседе, стоявшем от меня в двух шагах, узнать одного из офицеров штаба округа, полковника. Вскоре я услышал шепот: «Что на воле, освобождают ли кого? Говорите тихо, не поворачивая головы, выжидайте время, когда надзиратель ходит».

Я не рассчитал голоса и был замечен надзирателем, тот подошел и сильным ударом в затылок наказал меня, предупредив:

— В следующий раз будешь лишен передачи.

Несмотря на боль в голове я улыбнулся и подумал: какая там передача, когда жена и понятия не имеет, что я переведен в «Кресты».

Прошло два часа, никто меня не вызывает. Сосед (...) командир тяжелой танковой бригады полковник Лизюков прошептал: «Вот чудак, разве ты не понимаешь, что это специальный прием вынудить тебя быть сговорчивым. Ты постой с мое и тогда все понимать будешь».

Тут только я обратил внимание на то, что он был в галошах. Он же мне сообщил, что стоит уже целую неделю, с перерывами по пять часов. Слышал я об этом, но представить себе не мог.²

Лизюков научился в совершенстве владеть своим голосом и говорил даже тогда, когда надзиратель был недалеко:

— Посмотри на мою голову и на руки, потом, потом. Это следовательно меня избивал за издевательства над ним.

— Как так? — удивленно спросил я его.

И он рассказал мне интересную историю: «Привели меня в ДПЗ,³ а там, как в академии, всех просвещают и всему наставляют. Узнал я, что за вредительство может осудить Тройка и Особое Совецание, это исчадие дьявола, а вот за шпионаж обязательно попадешь на суд Верховной военной коллегии Трибунала, и тогда судьям можно объяснить, что никакой ты не шпион. И вот, когда следователь до того доконал меня, что уже никаких сил не было дальше терпеть, я и сказал ему: «Ладно, вижу, что мне все равно крышка, буду сдаваться. Отпустите меня на неделю в камеру, и я надумаю, какую вину на себя и брать: то ли шпионаж, то ли вредительство, то ли антисоветскую агитацию».

Что тут со следователем было! Он чуть не целует меня. Заказал четыре ужина, папирос и говорит: «Я всегда знал, что ты подходящий дядя, и зря ты сомневался. У меня все подследственные брали на себя вину и не морочили головы, все подписывали. Которые соглашались, получили по десятке. Вот тебе честное слово коммуниста! У меня-то всего расстрелянных не больше двадцати, и то сами виноваты. Только ты, голубчик, сам разработай, как полагается. Ты же академии кон-

чал и напиши, чтобы красиво было и начальство было довольным. Вас же там всему обучали».

Следователь на редкость туповатый попался. И вот я разработал, что завербовали меня в шпионскую организацию английские и французские шпионы, а фамилии-то дал им из старинных пьес. Пока дело передавалось в Военную коллегию Верховного суда, прошло больше месяца. Получил я две передачи, разрешили сделать закупку в магазине за мои деньги...

Дальше не дали нам договорить, и окончание я узнал спустя несколько месяцев. Лизюков на суде отказался от своих показаний, объяснив, что его вынудили недозволенными методами признать себя виновным. И тут-то, к ужасу Лизюкова, два члена Военной коллегии прервали его, заявив, что это враждебный прием, и поэтому заявление Лизюкова в расчет не принимать, а ему вынести высшую меру наказания. Лизюков не растерялся и закричал: «Прочтите фамилии! Ведь все, кто меня завербовал, — это же действующие лица из таких-то и таких произведений». Что тут было! Трудно представить. И его [дело] направили на доследование.

Однако дорого это обошлось и Лизюкову, он не досчитался двух ребер, и когда я с ним встретился уже в дни Великой Отечественной войны, то он жаловался на ноги и говорил об этом как о последствиях. Там же он рассказал мне о встрече, при выходе из окружения, со своим бывшим следователем. Тот оказался жалким трусом, изорвавшим свой партийный билет и бежавшим без оглядки на восток».

Что тут скажешь... Следователи НКВД, какими бы они преданными ни были делу партии в мирное время, оказались неспособными к защите Родины. Хотя отряды НКВД и целые части храбро дрались в дни немецкого «Тайфуна» и затем, в период контрнаступления наших фронтов. Но там, в тех отрядах и частях, к счастью, были другие люди — воины, а не тюремщики.

В декабре 1939 года на очередном заседании Трибунал счел обвинения следователей НКВД в отношении А.И. Лизюкова безосновательными и полностью оправдал его.

3

Звание и награды были возвращены. В 1940 году Лизюкова назначили преподавателем Военной академии механизации и моторизации РККА. Но он снова заступался по работе в войсках и вскоре добился назначения в 36-ю танковую дивизию 17-го механизированного корпуса на должность заместителя командира по строевой части.

Война застала полковника Лизюкова в дороге. Накануне он был срочно вызван в Москву за новым назначением. 21 июня нарком обороны СССР подписал приказ о назначении его на должность начальника 1-го отдела автобронетанкового управления Западного особого военного округа. В штабах не хватало образованных, энергичных и инициативных офицеров, способных мыслить и работать на перспективу. И особенно это касалось танковых и механизированных войск. По инициативе нового начальника Генерального штаба Г.К. Жукова полным ходом шло формирование мехкорпусов. Только что отгремела Зимняя война с Финляндией. В результате походов Красной Армии в Западную Белоруссию и Северную Буковину границы СССР отодвинулись на запад. Именно там расквартировывались дивизии и полки новых корпусов.

Вокзалы и эшелоны, в особенности те, которые шли на запад, в те дни были переполнены: офицеры-отпускники срочно отзывались и направлялись в свои части.

Из воспоминаний вдовы Лизюкова Анастасии Кузьминичны: «Приехав в Москву, он в этот же день возвращается обратно в свою часть, но до нее не доезжает,

ибо там уже были немцы. Тут же, по дороге, он собрал народ, ехавший кто в отпуск, кто из отпуска. Это хорошо описывает Константин Симонов в своей статье «Июнь, декабрь», как Лизюков организовал отряд, из кого, откуда он взялся и как стал командиром, появилось оружие и как будто под его командованием находится регулярная армия, которой он командует, по крайней мере, не менее трех лет, а не разношерстная публика, а ведь здесь были шоферы, юристы, инженеры и т.п. и получилась — кадровая армия».

С отцом на войну увязался шестнадцатилетний сын Юрий.

Из воспоминаний Юрия Александровича Лизюкова: «Все военные должны были вернуться в свои части. Стали решать семейным советом, что делать дальше с нами, и решили, что я и мать поедем в Ленинград, к бабушке. Но я категорически отказался от этой мысли и просил отца взять меня с собой на фронт — так, как он делал всегда: брал меня на все учения и маневры. В семье наступила пауза, и здесь вмешалась моя мать. Она сказала отцу: «Попробуй поговорить в Наркомате Обороны, чтобы его все-таки разрешили взять с тобой, а то уже в Финскую убежал, так и здесь наверняка сбежит!» И отцу разрешили взять меня с собой».

Юрий Лизюков впоследствии окончит Саратовское танковое училище и уже летом 1942 года лейтенантом продолжит службу в 5-й танковой армии.

До Барановичей, в окрестностях которого базировался 17-й мехкорпус, эшелон не доехал. Под Борисовом налетели немецкие самолеты и в цепки разбомбили состав. Среди уцелевших во время налета бойцов и командиров началась паника: кто-то пустил слух о немецком десанте, высадившемся на Березине и захватившем мосты и переправы.

Именно такие минуты определяют, кто есть кто, и решают, кому жить воином, а кому — трусом, спасающим свою шкуру. Лизюков приказал прекратить панику, собрал вокруг себя надежных офицеров и быстро сформировал отряд, разбил его по взводам, ротам, батальонам. Утром следующего дня новое формирование полковника Лизюкова уже именовалось стрелковым полком. Полк имел четкую иерархию и был полностью вооружен. Полный штат, в том числе и материальную часть, имели даже артиллерийские батареи.

Июнь, первые дни и недели немецкого вторжения в историю Великой Отечественной войны вошли как период разгрома, тотального отступления, колоссальных людских потерь и тяжелого вооружения в наших войсках. Но это не совсем так. И не везде. На некоторых участках, намертво врывшись в землю, стойко держали оборону дивизии, полки и отдельные батальоны. Их командиры знали свои долг и умели делать то, что должно.

Полк Лизюкова каждый день и каждый час пополнялся. Часть превращалась в соединение. К лизюковцам, державшим дисциплину и порядок, присоединялись одиночки, мелкие группы бойцов разных родов войск и целые взводы и роты. Бойцы потеряли свои части и бродили по лесам в поисках спасения.

Вскоре наладили связь с гарнизоном города Борисова. Лизюков просил, требовал поставить его соединению боевую задачу. Но кругом царил неразбериха. Чтобы отдать приказ действовать, надо знать обстановку, владеть ею. И Лизюков начал действовать, как говорится, на свой страх и риск. «Под Борисовом, в тяжелой обстановке растерянности и неразберихи, я запомнил на всю жизнь полковника Лизюкова, — писал Константин Симонов, в то время военкор «Красной Звезды». — Он с тех пор мысленно стал для меня одним из образцов не только военного, но и, шире говоря, гражданского мужества». И далее: «На следующий день я расстался с полковником и больше его не видел. В ноябре на Карельском фронте, на Рыбачьем полуострове, к нам с большим опозданием попали, наконец, центральные газеты. Не помню, в какой из них на первой странице был напечатан снимок с надписью: «Командир 1-й Московской мотострелковой дивизии Герой Со-

ветского Союза полковник Лизюков принимает гвардейское знамя...» Я узнал его. Да, конечно, именно он был там, в лесу под Борисовом, в июне. И я вспомнил забытую фамилию. Полковник Лизюков. Мне хотелось почему-то увидеть в снимке рядом с ним его сына, так же рядом, как они были тогда, в июне...»

В романе «Живые и мертвые» Константин Симонов напишет: «...Лысый танкист с орденом Ленина, ехавший из Москвы в одном вагоне с Синцовым и по праву самого энергичного из оказавшихся здесь людей распорядившийся другими...»

Начальником гарнизона города Борисова был корпусной комиссар И.З. Сусайков.⁴ Он же — начальник танкового училища. Когда к городу и переправам через Березину подошли передовые подразделения немцев, под его рукой было 1400 человек из числа курсантов, преподавателей и бойцов гарнизона. Удержать город и переправы через Березину этими силами представлялось попросту невозможным.

И вот в последних числах июня в Борисов вошла дивизия Лизюкова. Согласно Строевой записке, составленной 29 июня 1941 года, на 18.00 численность гарнизона Борисова составляла уже 7681 человек.

Сусайков и Лизюков были знакомы по довоенной службе. Оба танкисты. Правда, именно 37-й год их судьбы и разделял. Лизюков был арестован и находился под следствием. А Сусайков, как сказано в официальной биографии, «в период репрессий как политработник принимал участие в написании политических характеристик с «компроматом» на командиров РККА». Впрочем, такая участь политработнику в войсках могла достаться по разнарядке, по должности.

Об обороне Борисова расскажем особо. Бои конца июня, начала июля 1941 года на Березине в районе Борисова в определенной степени повлияли на ход боевых действий на центральном направлении, и особенно на фронтную судьбу Лизюкова.

4

Если смотреть глубже и неформально, то станет очевидным, что битва за Москву во всей ее предыстории и истоках, началась уже тогда, на белорусской земле. Под Могилевом и Витебском, в районе Барановичей и Борисова.

Только 26 июня была восстановлена связь Борисовского гарнизона со штабом Западного фронта. Информационная блокада была прорвана. Корпусной комиссар Сусайков приказом командования назначен начальником гарнизона и ответственным за оборону города и боевого участка, а начальником штаба стал полковник Лизюков. В директиве штаба фронта говорилось: «Вы ответственны за удержание БОРИСОВА и переправ и, как крайний случай, при подходе к переправам противника переправы взорвать, продолжая упорную оборону противоположного берега. На переправу от ЗЕМБИН к свх. ВЕСЕЛОВО выслать мотоотряд с подрывным имуществом с задачей: подготовить переправу к взрыву, упорно оборонять и при подходе противника капитально взорвать. Вам также поручается выполнение того же с переправой у ЧЕРНЯВКА (юго-восточнее БОРИСОВ)».

На Борисов наступала 18-я танковая дивизия 2-й танковой группы. Дивизией командовал генерал-майор танковых войск Неринг, один из лучших танковых командиров вермахта.⁵

Началась подготовка к обороне. Надо признать, что Сусайков не сразу оценил профессиональные и волевые качества своего начштаба, а также его воинство, сколоченное буквально из ничего, из бегущих и деморализованных, поддавшихся панике и бросивших оружие отступавших военных. С определенной степенью недоверия к своему первому помощнику написано донесение Сусайкова в штаб фронта, датированное 28 июня: «Гарнизон, которым я располагаю для обороны рубежа р. Березины и Борисова, имеет сколоченную боевую единицу только в со-

ставе бронетанкового училища (до 1400 человек). Остальной состав — бойцы и командиры — сбор «сброда» из паникеров тыла, деморализованных отмеченной выше обстановкой, следующие на поиски своих частей командиры из тыла (командировки, отпуск, лечение) со значительным процентом приставших к ним агентов германской разведки и контрразведки (шпионов, диверсантов и пр.). Все это делает гарнизон Борисова небоеспособным».

Конечно, Сусайков сгущал краски. Что нетрудно понять. Защитники Борисова чувствовали себя брошенными. Город и переправы через Березину вот-вот должна была атаковать 18-я танковая дивизия противника. Численно она в три раза превышала курсантов Сусайкова и «сброд» Лизюкова вместе взятых. Имела более двухсот боеспособных легких и средних танков, самоходные штурмовые орудия, полевую и противотанковую артиллерию, минометы. Марш дивизии Неринга плотно поддерживала авиация. Сусайков своим донесением выпрашивал у штаба Западного фронта поддержку. И она вскоре прибыла на Борисовский рубеж.

Командование, понимая важность переправ через Березину, по которому в те дни нескончаемым потоком шли отступающие части Красной Армии, растерзанные под Белостоком и Минском, в срочном порядке перебросило сюда 1-ю Московскую мотострелковую дивизию под командованием полковника Я.Г. Крейзера. Однако первые же столкновения с противником показали, кто есть кто. Мотострелки, занимая позиции во втором эшелоне за окопами курсантов и батальонами, сформированными Лизюковым, не выполняли приказов штаба Борисовского гарнизона и порою попросту уклонялись от боя.

Бои в зоне ответственности Борисовского гарнизона начались 30 июня и продолжались до 3 июля.

Штаб во главе с полковником Лизюковым разбил рубеж на несколько участков, назначил командиров. Жители Борисова и окрестных деревень были привлечены к строительству обороны. Отрыли противотанковый ров и траншеи. Курсанты и «сброд» тут же заняли окопы и начали совершенствовать линию обороны.

Из воспоминаний Константина Симонова: «Мне указали как на старшего на корпусного комиссара Сусайкова. Он стоял на лесной дороге, молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели, накинута на плечи, и почему-то с лопатой в руках».

Для «Живых и мертвых» Симонову своих героев придумывать было незачем. И характеры, и сюжет писателю дарила война.

Во время борисовской обороны отличились многие бойцы и командиры. Корпусной комиссар Сусайков подготовил несколько десятков представлений к наградам. Но пачка этих наградных листов так и не превратилась в боевое серебро орденов и медалей, затерявшись среди невостребованных бумаг штаба Западного фронта. Среди прочих есть и наградной лист на полковника А.И. Лизюкова: «С 26 июня по 8 июля 1941 года работал начальником штаба группы войск по обороне города Борисова. Несмотря на то, что штаб пришлось формировать из командиров, отставших от своих частей в момент беспорядочного отхода подразделений от г. Минск, тов. Лизюков проявил максимум энергии, настойчивости и инициативы.

Буквально под непрерывной бомбежкой со стороны противника, не имея средств управления, т. Лизюков своей настойчивой работой обеспечил управление частями. Лично проявил мужество и храбрость.

2 июля под сильным нажимом противника совершил отход 175 МП.⁶ На место мною был выслан т. Лизюков, который с группой курсантов сумел восстановить положение и привести в порядок дрогнувшие подразделения. Пренебрегая опасностью⁷ тов. Лизюков появлялся среди бойцов и командиров на важнейших участках и восстанавливал необходимый порядок.

За проявленную храбрость, мужество и стойкость при обороне г. Борисова, в последующем по обороне рубежей г. Орша достоин представления к правительственной награде — орденом «Красное Знамя».

Подпись Сусайкова скреплена гербовой печатью танкового училища.

В первые дни и недели войны Лизюкову пришлось воевать на родине. От Борисова до Гомеля рукой подать. И сложись дальнейшие обстоятельства как-то иначе, пришлось бы отступить через родной город. Но дорога, как вскоре выяснилось, пролегла севернее, к Орше.

Курсантами Борисовского танкового училища были в основном курсанты Подольского стрелково-пулеметного училища, переведенные сюда перед самой войной. А потому действиями в составе взвода, роты, батальона они владели куда лучше, чем навыками танкового боя. Был момент, когда немецкие автоматчики просочились к мосту через Березину. Лизюков поднял курсантов в штыковую атаку, и мощной контратакой немцы были отбиты. Когда бой затих, к переправе подошла колонна — это были наши войска, вырвавшиеся из окружения. Командование не отдавало приказа на взрыв мостов именно поэтому: со стороны Минска на Борисов продолжали двигаться колонны остатков разбитых частей. Один из выживших в тех боях на Березине на всю жизнь запомнил слова полковника Лизюкова, которые тот произнес перед бойцами и курсантами на переправе после боя с немецкими автоматчиками: «Мост — это жизнь тысяч людей, которые выходят из окружения. Наши войска, когда выйдут на тот берег, сразу повернут оружие против фашистов и преградят им дорогу на Смоленск...»

В первые дни боев оборона на Березине в районе Борисова держалась прочно. Все попытки противника прорваться к переправам пресекались артиллерийским и стрелковым огнем, а также контратаками танков 1-й Московской мотострелковой дивизии. Но не хватало противотанковых пушек и зениток. Немецкая авиация постоянно висела в воздухе над окопами защитников Борисова и передними укреплениями. Отогнать самолеты было нечем. Под прикрытием пикирующих бомбардировщиков 3 июля танки Неринга прорвались к основному мосту у Зембина, в короткой схватке перебили саперов, которые отвечали за взрыв моста, овладели переправой и захватили плацдарм на восточном берегу.

В боях за Борисов были тяжело ранены полковник Я.Г. Крейзер и корпусной комиссар И.З. Сусайков.

Курсанты танкового училища были отведены с линии обороны и впоследствии эвакуированы в Саратов. Они стали первым составом 3-го Саратовского танкового училища. В Саратов после боев на Соловьевой переправе Лизюков отправит и сына Юрия, который был зачислен в училище еще в Борисове и дрался в рядах курсантов все эти дни с оружием в руках.

5

И снова отступление.

В июле рухнула оборона в районе Витебска и Смоленска. Немцы пытались охватить смоленскую группировку наших войск и создать новый «котел», подобный минскому. На карту ставилась судьба не только Москвы. У немцев снова появился шанс реализовать блицкриг стремительным прорывом к столице Советского Союза.

В середине июля 1941 года 7-я танковая дивизия генерала танковых войск фон Функа захватила Ярцево.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы понять замысел противника и незавидное положение наших армий, оставшихся западнее и юго-западнее района Смоленска и в самом городе. Ярцево — коммуникационный узел: автострады

Минск-Москва и железной дороги Смоленск-Москва. От Ярцева веером расходятся большаки и дороги местного значения — на Белый, на Духовщину, на Дорогобуж к Соловьевой переправе. Захватом Ярцева немцы решали сразу несколько задач: отсекали отход для 19, 16 и 20-й армий и таким образом замыкали очередной «котел», обеспечивая себе марш на Вязьму и далее к Москве по Минскому шоссе.

Штабом Западного фронта к Ярцеву и днепровским переправам была в срочном порядке выдвинута армейская группа генерала К.К. Рокоссовского. Левый фланг надежно закрыл 44-й корпус комдива В.А. Юшкевича. На переправах через Днепр в районе деревень Соловьево и Ратчино положение контролировал сводный отряд полковника Лизюкова.

С середины июля Соловьева переправа оставалась единственной коммуникацией, по которой велось материально-техническое обеспечение войск, все еще продолжавших удерживать оборону в районе Смоленска. Через этот коридор в тыл шли санитарные обозы с ранеными.

И вот над этой артерией, питавшей три армии, нависла угроза.

Сводным отрядом, который обеспечивал безопасность Соловьевой переправы, командовал полковник Лизюков. Он же был и комендантом переправы.

Снова ему поручили удерживать переправы и обеспечивать движение войск через водную преграду. Месяц назад это было на Березине. Теперь — на Днепре, в его верхнем течении. Войско у Лизюкова на этот раз было невеликое: до полка мотопехоты и пятнадцать танков из остатков 5-го мехкорпуса. Часть танков была неисправна. Боевые машины окопали и использовали как неподвижные огневые точки. Переправа находилась в зоне ответственности армейской группы генерала Рокоссовского.

Немцы изо всех сил старались завладеть понтонами и перерезать сообщение. Но запечатать смоленский «котел» им так и не удалось.

27 июля немцам удалось прорваться к Соловьевой переправе и захватить ее. Лизюков срочно запросил подкрепления у Рокоссовского, и тот выслал отряд, который мощной атакой восстановил положение.

В эти дни огневую мощь отряда полковника Лизюкова значительно усилила подошедшая к переправе экспериментальная батарея «катюш» под командованием капитана И.А. Флёрова.

В начале августа 16-я и 20-я армии получили приказ командования прекратить оборону Смоленска и выходить на восточный берег Днепра. Начался выход войск смоленской группировки из «мешка».

Немецкие самолеты постоянно висели над переправой. Зенитное прикрытие было слабым. Тем не менее, зенитчики Лизюкова делали свое дело. Основной поток войск, отходящих на левый берег, подошел к Соловьевой переправе 3 августа. Немцы тоже придвинулись вплотную. Обстреливали понтоны из орудий, поставленных на прямую наводку. В полдень того же 3 августа в результате массированных налетов авиации и постоянного артиллерийского огня настлы мостов, наведенных накануне для увеличения пропускной способности переправы, были уничтожены. Однако к утру следующего дня колонны наших войск снова пошли по восстановленным мостам.

16-я и 20-я армии переправились на восточный берег Днепра и заняли оборону. Здесь они будут держаться до октября, до начала операции «Тайфун».

Начальник штаба 4-й полевой армии ГА «Центр» генерал Блюментритт спустя годы в своих мемуарах напишет: «...Самым значительным (...) было сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских. Две полевые армии (...) удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток...»

А вот что писал о Лизюкове маршал К.К. Рокоссовский: «Полковник Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром. Он чувствовал себя уверенно в любой, самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые то и дело возникали на том ответственном участке, где пришлось действовать его отряду. Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами — на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд».

Еще 12 июля, когда полуокруженные смоленские армии сражались на своих позициях, по команде ушло представление на коменданта Соловьевой переправы к награждению орденом Красного Знамени. За Березину «Красное Знамя» Лизюков так и не получил. Командование и на этот раз решило иначе: 5 августа, когда пришло известие, что войска вышли на левый берег и занимают оборону на новом рубеже, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм полковнику Лизюкову Александру Ильичу присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Курсант Борисовского танкового училища Юрий Александрович Лизюков был награжден медалью «За отвагу».

6

После Соловьевой переправы пути отца и сына Лизюковых разошлись: Юрий убыл в Саратов для прохождения ускоренного курса обучения в танковом училище, а Александр Ильич получил новое назначение — принял командование 1-й танковой дивизией.

Танки и мотопехота Лизюкова держали оборону на восточном берегу реки Воль, северо-восточнее Ярцева, действуя в полосе обороны 16-й армии генерала Рокоссовского. Изучив оборону своего участка, Лизюков принял решение ликвидировать небольшой плацдарм, захваченный противником во время летнего наступления. Командование утвердило план операции. Атака 1-й танковой дивизии стала частью фронтовой операции — войска Западного фронта под командованием Г.К. Жукова в это время проводили Ельнинскую наступательную операцию. В начале сентября 1941 года танки и мотопехота 1-й танковой дивизии поднялись в атаку. Мощным концентрированным ударом плацдарм противника был ликвидирован. Развивая наступление, ударная группа форсировала Воль и захватила плацдарм на западном берегу. Противник контратаковал, но лизюковцы энергично закрепились на выгодных позициях, подтянули артиллерию, окопали танки и удерживали плацдарм весь сентябрь. Немцы, опасаясь дальнейшего развития наступления наших войск, вынуждены были перебросить сюда резервы и держать их в постоянной боевой готовности.

За этот маневр, увенчавшийся успехом, дивизия была преобразована в 1-ю гвардейскую мотострелковую и награждена орденом Красного Знамени.

Вскоре дивизию перебросили в район Можайска, а затем на Юго-Западный фронт и передали 40-й армии.

Соседом дивизии Лизюкова оказалась конно-механизированная группа генерала П.А. Белова.

Здесь произошел бой, который попал в документы и мемуары участников обеих сторон. Генерал Гудериан вспоминал, что его передовые части, а именно 25-я моторизованная дивизия, не выдержав атаки русских, вынуждены были оставить Штеповку, и что противник удерживал ее не менее недели. Писатель П.П. Вершигора, служивший фотокорреспондентом в газете 40-й армии, тоже

вспоминал: «В районе восточнее Сум, впервые за эту войну, я увидел, как убегают немцы».

После боев в районе Штеповки дивизия полковника Лизюкова дралась под Сумами, а затем, после сдачи Сум, была отведена во фронтовой резерв и передислоцирована под Москву.

7

Наступил октябрь 1941 года. Германская ГА «Центр» проводила операцию «Тайфун» — последний, решающий бросок на Москву.

Первая гвардейская мотострелковая дивизия направлена в район Наро-Фоминска в состав 33-й армии.

21 октября 1941 года эшелоны дивизии начали прибывать на станцию Апрелевка. После разгрузки подразделение тут же занимали оборону по обводу западных окраин Наро-Фоминска.

Генерал М.Г. Ефремов отдал приказ: после сосредоточения, 22 октября, атаковать на запад с целью овладения новым рубежом в трех-четыре километрах западнее. Противник тем временем начал свою атаку. Произошел встречный бой. Немцам удалось прорваться на стыке соседних 222-й и 110-й стрелковых дивизий и выйти к реке Наре. Несколько дней длилось противостояние. Город, кварталы, улицы, дома переходили из рук в руки. Потери дивизии были огромны: только за трое суток с 21 по 23 октября 1-я гвардейская мсд потеряла 1521 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

В ночь на 24 октября в штаб 33-й армии из штаба Западного фронта поступила телефонограмма:

*«КОМАНДАРМУ 33 ЕФРЕМОВУ
ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОЙ ПЕРЕДАЧИ
КОМДИВУ 1 МСД ЛИЗЮКОВУ, КОМИССАРУ 1 МСД МЕШКОВУ*

Тов. СТАЛИН лично приказал передать тов. ЛИЗЮКОВУ и тов. МЕШКОВУ, что он считает делом чести 1-й МСД очистить к утру 24.10 НАРО-ФОМИНСК от противника. Об исполнении этого приказа тов. ЛИЗЮКОВУ и тов. МЕШКОВУ доложить 24.10 лично тов. СТАЛИНУ.

ЖУКОВ, БУЛГАНИН».

Говорят, когда генерал Ефремов зачитывал командирам, которым предстояло вести в бой свои части и соединения, текст этой телеграммы, в штабе стояла мертвая тишина. Всем было понятно, что означает этот приказ. Либо выполнить, «очистить к утру Наро-Фоминск от противника», либо погибнуть в бою.

Подготовка к атаке была короткой. В 6.00 началась артподготовка. Два залпа сделал дивизион гвардейских минометов. Еще не осела снежная пыль, густо перемешанная с кирпичной крошкой, вперед пошли два гвардейских полка — 175-й и 6-й. Их атаку поддерживали танки 5-й танковой бригады.

Немцы, засевшие в жилых кварталах и промзонах, открыли ураганный огонь. В захваченном городе они успели укрепиться. На танкоопасных участках сосредоточили противотанковую артиллерию, заминировали дороги и проходы.

Бой шел весь день. Потери с обеих сторон были огромными. Атаки гвардейцев, которые следовали одна за другой, ощутимых результатов не давали. Только четвертая рота 175-го мотострелкового полка под командованием старшего лейтенанта Кудрявцева ворвалась на территорию ткацко-прядильной фабрики и удерживала один из фабричных корпусов.

Конечно же, и Лизюков, и командарм Ефремов, и офицеры штаба, и в полках понимали, что отбить город такими силами, которыми располагали 1-я гвардей-

ская мсд и 5-я танковая бригада, не удастся. Каждая новая атака множила потери. К достижению цели — «очистить к утру...» — усилия полков и танкистов привести попросту не могли. К тому же противник начал активно маневрировать резервами — подбрасывал артиллерию и пехоту с неатакованных участков. Просматривая донесения, Лизюков заметил, как стремительно растет в потерях число пропавших без вести. Девяносто процентов из них — пленные.

Вечером из штаба Западного фронта пришла телефонограмма:

«Т. ЕФРЕМОВУ.

Т. ЛИЗЮКОВ и т. МЕШКОВ до сих пор не донесли ничего об исполнении приказа т. СТАЛИНА. Немедленно пошлите донесение, копию представьте нам. ЖУКОВ, БУЛГАНИН».

Кроме потерь и неудач, докладывать было нечего. За день непрекращающихся боев дивизия потеряла 761 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Телефонограмму в Ставку отправляли из штаба армии, но за подписью Лизюкова и Мешкова. Как и было приказано.

«МОСКВА. ТОВ. СТАЛИНУ

К 20.00 овладел северной, западной, северо-западной, центральной и юго-восточной частью города НАРО-ФОМИНСК. Упорные бои продолжаются. Подробности дадим шифром.

*ЛИЗЮКОВ, МЕШКОВ.
24.10.41.
21.40».*

К исходу 25 октября Лизюков отдал приказ оставить город. Лишь в излучине Нары дивизия оставила небольшой плацдарм, который удерживался усиленной ротой одного из стрелковых полков.

В эти дни маятник противостояния на ближних подступах к Москве швыряло то в одну сторону, то в другую. Одни расходовали последние силы и ресурсы на то, чтобы продолжить наступление, другие — чтобы удержаться.

Первая гвардейская мсд сдавала Наро-Фоминск, она же его и возьмет. Только чуть позже. И с другим командиром.

8

В последних числах ноября немцы сделали последний рывок на Москву. Они атаковали почти на всех направлениях и участках. Тогда казалось, что, дрогнул взвод, противник тут же нажмет и сомнет роту, батальон, и в образовавшуюся брешь, стремительно расширяя ее, хлынут полки и дивизии...

Особенно жарко было на правом фланге Западного фронта. Туда и был направлен полковник Лизюков.

Из воспоминаний генерала К.Ф. Телегина: «Ночью 27 ноября Ставка приказала Военному совету Московской зоны обороны срочно создать Северную оперативную группу под командованием полковника А.И. Лизюкова в составе 28-й и 43-й стрелковых бригад, усилив ее двумя дивизионами гвардейских минометов и ротой танков КВ с задачей прикрыть Москву со стороны Рогачевского и Ленинградского шоссе на рубеже Хлебниково-Черкизово...»

Вначале это было похоже на лихорадочное латание дыр. Но потом позиции стали наполняться новыми стрелковыми бригадами и дивизиями, прибывающими с востока. Свежие соединения тут же заполняли окопы и траншеи и вступали в бой. Московская оборона становилась для немцев неприступной.

В одном из интервью маршал Г.К. Жуков отметил совершенно конкретно: «В двадцати двух километрах от Москвы находится населенный пункт Красная Поляна. Вот тут-то и образовалась в нашем фронте дыра. Ее-то и закрывали бригады генерала Лизюкова, выдвинутые из Московской зоны обороны».

Уже к концу ноября Северная оперативная группа пополнилась еще пятью стрелковыми бригадами и частями усиления. На основании директивы Ставки № ОП/3016 от 29 ноября 1941 года на базе Северной оперативной группы была развернута 20-я армия. Это было второе формирование армии, сгоревшей на смоленской земле. Теперь она постоянно пополнялась резервами. В начале декабря в 20-ю влилась 331-я и 352-я стрелковые дивизии. Это были дивизии нового формирования, полнокровные, вооруженные и оснащенные по полному штату.

Соединение готовили к наступлению. Армией командовал генерал А.А. Власов. Штабом руководил Л.М. Сандалов.

Командарм все эти дни сидел в штабе, находившемся в Химках. То ли болел, то ли работал с бумагами. Сандалов сколачивал штаб. А войсками тем временем руководил заместитель командующего А.И. Лизюков.

Правый фланг Западного фронта, справа налево от стыка с Калининским фронтом: 30-я армия, 1-я ударная армия, 20-я армия, 16-я армия. Дальше уже пошла зона ответственности армий центра Западного фронта — 5-й, 33-й, 43-й и так далее.

Двадцатая армия была самой малочисленной — списочный состав 38 148 человек. Для сравнения — 16-я армия Рокоссовского насчитывала 96 897 человек.

В первых числах декабря дивизии и бригады 20-й армии сосредоточились к северо-западу от Москвы по линии Лобня, Сходня, Химки, заняв участок фронта между более сильными 1-й ударной и 16-й армиями. Приказ на наступление был таким: «20-я армия силами 331 сд и 28 сбр наступает в общем направлении на Красная Поляна, Мышецкое, Покров и уничтожает пр-ка в р-не Красная Поляна, Владычино, Холмы».

В последнее время не утихают споры историков и публицистов на тему, а кто же в действительности командовал 20-й армией в период контрнаступления? Власов? Сандалов? Лизюков?

Первые приказы по армии подписаны Лизюковым. Потом — Власовым. Но между отдаением приказа и фактическим управлением войсками может существовать некий зазор. В него порой вмещались целые судьбы. На фронте роль заместителя командарма самая неблагоприятная. Хочешь спрятать энергичного и инициативного с глаз долой, так, чтобы он ни при каких обстоятельствах не вынырнул на глаза командованию и вечно тлел под рукой своего непосредственного начальника — назначь заместителем командующего армией к такому же волевому да еще и тщеславному.

Скорее всего, как утверждает биограф Лизюкова И.Н. Афанасьев, Александр Ильич в отсутствие вновь назначенного командарма (генерала А.А. Власова) продолжал выполнять обязанности командующего. И.Н. Афанасьев в подтверждение своей версии приводит такой факт. 28 ноября 1941 года в Штабе обороны города Москвы полковник Лизюков получает удостоверение «в том, что он действительно по 31 декабря 1941 года является командиром Северной группы войск обороны г. Москвы». А буквально на следующий день, 29 ноября, Ставка издает директиву № 498 о преобразовании «опергруппы Лизюкова в 20-ю армию».

В августе 1966 года редакция «Военно-исторического журнала» организовала «круглый стол». Маршал Г.К. Жуков отвечал на вопросы журналистов по теме битвы за Москву. Из стенограммы: «...первая постановка задачи 30 ноября предусматривала очень короткие задачи контрударного порядка. Задачи войскам по глубине не превышали 20–30 километров. (...) У нас нет такого приказа, где зара-

нее, допустим, 30 ноября, 1–2 декабря отдали бы директиву, которая свидетельствовала, что это приказ на контрнаступление. Такая задача не стояла, потому что у нас ни сил не было, ни средств. (...) Такого в классическом понимании начала контрнаступления, как это было, допустим, под Сталинградом, не было. Оно пошло как развитие контрударов. (...) Оно было ходом событий организовано. (...) Почему была введена в дело 20-я армия? Красная Поляна — это 22 километра от Москвы. У нас на этом участке получилась «дырка». И только группа Лизюкова была поспешно выведена, заткнули эту «дырку». Туда же по приказу Сталина выехал Булганин с задачей отобрать обратно у противника Красную Поляну. Речь шла только о Красной Поляне, но не дальше. (...) Контрудары 1-й Ударной армии и группы Лизюкова начали отбрасывать противника, в порядке логического продолжения все это нарастало и, в конце концов, к 8 декабря вылилось в более широкое контрнаступление».

Немцы заняли Красную Поляну 30 ноября 1941 года. 2-я танковая дивизия 3-й танковой группы, наступаая от Солнечногорска по линии шоссе, ворвались в Красную Поляну и закрепились в этом крупном населенном пункте в 17 километрах от Москвы. Это был удобный плацдарм для дальнейшего наступления. Трофейные документы V-го армейского корпуса свидетельствуют о том, что на начало декабря немцы планировали продвинуться до канала Москва-Волга и захватить переправы.

В результате произошло фактически встречное сражение. В него были втянуты с обеих сторон танки, артиллерия и авиация. К примеру, наступление 331-й стрелковой дивизии и 64-й отдельной стрелковой бригады, которые в эти дни атаковали Красную Поляну и опорные пункты, сооруженные немцами в окрестных деревнях, активно поддерживала с воздуха 43-я авиадивизия ВВС Западного фронта. Не жалели снарядов и артиллеристы. В дело были пущены все калибры, в том числе 152-мм орудия тяжелого артполка РГК. Накопленные силы пора была применить.

Полковник Лизюков шел в атаку с 1106-м полком 331-й стрелковой дивизии в пешем строю.

Немцы тоже нажимали, старались остановить наступление, жестко контратаковали. И той, и другой стороне казалось, что инициативой овладевают именно они.

В один из этих дней состоялся разговор фельдмаршала фон Бока и начальника штаба сухопутных сил Германии генерала Гальдера. После тщательного изучения донесений, поступающих с фронта, они пришли к выводу, что «если происходящее сейчас наступление на Москву с севера не будет иметь успеха, то Москва станет новым Верденом, то есть сражение превратится в ожесточенную фронтальную бойню».

В январе 1942 года Лизюкова представили к ордену Ленина. Потребовалась аттестация командующего армией. А.А. Власов тут же ее представил: «Тов. Лизюков с 30.XI.41 г. по 1.I.42 г. все время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии. 1. и 3.12.41 г. т. Лизюков лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. Лизюкова и он один из первых вошел в город».

При атаке на Солнечногорск полковник Лизюков в пешем строю шел впереди батальонов 35-й стрелковой бригады.

Пуля ждала его еще тогда, в декабре 41-го, но под Красной Поляной и Солнечногорском он ее перехитрил. Впрочем, никакой хитрости с его стороны не было, шел с пистолетом в руке, как простой комбат или ротный, подбадривал своих бойцов, следил за быстро меняющимися событиями, управлял подразделениями.

Под Москвой за ним наблюдал Булганин. Лизюков знал, что об атаке на Красную Поляну и Солнечногорск не сегодня-завтра будет доложено Сталину.

И Булганин Сталину доложил. По всей вероятности, доклад был представлен в светлых, героических тонах. Во-первых, Булганин выполнил задание Верховного, а, во-вторых, роль командующего Северной оперативной группой полковника Лизюкова во время боев была действительно яркой. Разрабатывал операции, непосредственно сам проводил их, проявляя при этом личную храбрость и полководческий талант.

Первого января 1942 года Сталин вызвал Лизюкова в Москву. Встреча произошла на ближней даче. Этот жест Верховного главнокомандующего свидетельствовал об особом признании заслуг защитника Москвы.

Со сталинской дачи Лизюков уехал генерал-майором и командиром 2-го гвардейского стрелкового корпуса.

Однако представление к ордену Ленина дальше штаба Западного фронта не идет. В политотделе прекрасно понимали: Лизюков обласкан Сталиным, получил генеральское звание, гвардейский корпус, и если дать ему еще высший орден страны, то от 20-й армии в официальное сообщение Совинформбюро «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы» в галерею защитников столицы придется ставить его портрет, а не Власова...

Орден Ленина придержали. Не везло Лизюкову на ордена.

К ордену Красного Знамени представили командарма Власова, и тот его получил.

Впрочем, комфронта Г.К. Жуков за московскую эпопею, которую он целиком вытщил на своем характере — упорстве, жесткости, а порою и жестокости, — был награжден всего лишь медалью «За оборону Москвы», и то только в 1944 году.

9

В феврале 1942 года был отпечатан сборник «Разгром немецких войск под Москвой: В помощь политруку». В сборнике помещена и статья командующего 20-й армией генерала Власова «Борьба за солнечногорский плацдарм». Ни слова о Лизюкове в ней не будет.

Генерал Лизюков в эти дни будет драться на Калининском фронте.

В эти дни из печати выйдет его брошюра «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приемах немцев: Из опыта фронтовика». Только что отпечатанный экземпляр Лизюков подарит Сталину с надписью: «Родному Сталину А. Лизюков». Верховный прочтет брошюру, при этом расшифрует военные аббревиатуры, исправит типографские опечатки и на обложке размашисто наложит резолюцию: «Прочсть».

В 2015 году родственники Лизюкова сделали запрос в Министерство обороны по поводу несостоявшегося награждения. В официальном ответе сказано, что «причины отказа в архиве не отражены». Что это значит? Положили «под сукно», вот и все...

В марте 1942 года Лизюков пишет с фронта Александру Фадееву: «Дорогой Александр Александрович! Помню нашу теплую встречу и рассчитываю на дружескую помощь в подборе хорошей редакции для нашей газеты. Наш корпус прошел большой, поистине героический путь. Вы сами понимаете, какое огромное значение имеет для бойцов, командиров и политработников своевременное, правдивое описание тех подвигов, которые они совершают. (...) Писатели же о наших героических людях часто забывают. (...) Рад был узнать, что здоровье Ваше поправляется, надеюсь видеть Вас у себя в корпусе при первом же вашем выезде на

фронт. (...) Крепко, крепко жму руку. Примите мой сердечный привет. С самыми теплыми к Вам чувствами — Александр Лизюков, командир 2-го Гвардейского корпуса».

Писателем, артистом, людей искусства Лизюков любил особой любовью. Какое-то время в нем самом военный боролся с писателем. Военный одолел. Но любовь, навыки и затаенная до времени мечта остались. Возможно, спустя годы читатель получил бы прекрасные и правдивые книги о войне — романы или мемуары, но, как говорил Василь Быков, судьба посылает солдату на войне из всех возможных вариантов худший. И, видимо, летом под Воронежем командирский КВ, в котором находился генерал Лизюков, к несчастью, выскочит на опытный расчет немецкой противотанковой пушки, и тот расстреляет советский танк несколькими точными выстрелами...

До войны Лизюков публиковал свои стихи и прозу в журналах «Вокруг света», «Красные зори». Работал над пьесой «Сумбур молодости», черновик которой впоследствии пропал. Написал повесть о службе на бронепоезде. Рукопись отправил в Госиздат и вскоре получил предложение развернуть повесть в роман. Рассказ «Красноармеец Глянцев» о гражданской войне был издан в 1927 году отдельной книжкой. Чувствовал себя русским человеком и мог подчеркнуть это. Сохранилась служебная карточка за тот же 1927 год, в которой в графе «национальность» он написал: «Великоросс». Когда войска отправлялись на советско-польскую войну, написал в стихах «Клятву красноармейца» и перевел ее на украинский язык. К языкам вообще был очень восприимчив. Знал немецкий, французский, английский, а также латышский. Свободно писал и разговаривал на русском и украинском.

10

Второй гвардейский стрелковый корпус генерал Лизюков формировал сам. Сам подбирал командиров, особо ценил танковых. Вскоре корпус сосредоточился в районе Валдая и принял участие в окружении Демянской группировки немцев.

Командующий 3-й ударной армией, в состав которой входил корпус, в своем представлении Лизюкова к награде за успешно проведенную операцию, писал: «2-й гвардейский стрелковый корпус под командованием г. Лизюкова проделал успешный марш-маневр с боями от Старой Руссы до Холма, нанеся значительный урон противнику и преодолев трудности бездорожья в зимних условиях (...) нанес противнику большие потери». И там же: «...т. Лизюков — волевой, энергичный командир».

В апреле 1942 года Лизюков получил приказ сформировать 2-й танковый корпус. Корпус был включен в состав 5-й танковой армии. В июне Лизюкова назначили ее командующим. Назначению предшествовала встреча со Сталиным. На этот раз разговор состоялся в Кремле в присутствии Молотова, Шапошникова, Жукова.

Прав был Г.К. Жуков, в то время начальник Генерального штаба, когда убедил руководство страны, и в первую очередь Сталина, в необходимости создания крупных механизированных соединений, основу и главную ударную мощь которых составляли бы танки. Надо признать, что опытом «поделились» немцы, продемонстрировав во время летнего наступления 1941 года эффективность танковых групп.

Вновь сформированная 5-я танковая армия дислоцировалась в полосе Брянского фронта.

Летом 1942 года немцы неожиданно прорвались к Воронежу. Ставка подгото-

вила контрудар. Главной ударной силой маневра должна была стать 5-я ударная армия.

Биограф Лизюкова И.Н. Афанасьев, посвятивший последнему бою командарма многие страницы своих исследований, пишет: «5-я танковая армия находилась в движении, но было приказано начать операцию не позднее 15–16 часов 5 июля, не ожидая окончательного сосредоточения всех сил. Днем ранее в район Ельца Сталин откомандировал начальника Генерального штаба А.М. Василевского, которому поручалось устранить нераспорядительность Брянского фронта, не обеспечившего прием 5-й танковой армии и постановку боевых задач, а по существу — лично отдать приказ о начале наступления во фланг прорвавшемуся врагу. Возражения Лизюкова, который предлагал своим ходом произвести скрытное сосредоточение всех сил, не допустить ввода армии в бой по частям, а нанести массированный удар, были отвергнуты. Судьба командарма и его танкистов была перепоручена высшему командованию, которое проложило армии путь по штабным картам».

Генерал Лизюков в те дни переживал, можно сказать, личную трагедию. С июня 41-го он мечтал о таком ударе. И на Березине, и на Днепре, и под Наро-Фоминском, и под Красной Поляной, и позже, в районе Холма, когда замыкали кольцо вокруг Демянской группировки немцев. Как хотелось ему спланировать удар так, чтобы все преимущества наших средних танков Т-34 и тяжелых КВ были умножены правильным построением и распределением сил. Чтобы в момент наступления и развития атаки под рукой имелись все силы. Лизюков репетировал, отрабатывал этот свой удар уже тогда, имея в своем распоряжении всего несколько легких и средних танков да немного артиллерии.

И вот вместо концентрированного удара командование приказывало идти в бой разрозненными частями. Казалось бы, не 41-й год, когда впопыхах армии вводились в бой полками, а дивизии ротами. Но косность штабного мышления по инерции толкала больших начальников именно к этому...

Константин Симонов в книге «Разные дни войны» писал: «Одна из бригад Лизюкова была отрезана, с ней не было связи. Командующий приказал немедленно восстановить связь и вывести бригаду из-под удара. И Лизюков, обескураженный своими неудачными действиями предыдущих дней и не дождавшись прихода танков другой бригады, сел на свой КВ и пошел в одиночку разыскивать пропавшую бригаду. Через два или три километра его танк расстреляли немецкие орудия. Спасся один башенный стрелок...»

Там, под Воронежем, Симонов хотел встретиться с Лизюковым. Может быть, вспомнить поле под Борисовом, Березину и штыковую атаку курсантов. Но — не судьба.

Соединения армии, в том числе танковые бригады, в бой вводились по частям. По частям противник с ними и разбирался. Лизюков был в отчаянии. По версии некоторых исследователей, после неудач первых дней и первых атак Лизюков подготовил донесение и свои предложения о том, как исправить положение. Пакет был адресован в Ставку лично Верховному главнокомандующему. Но тот пакет дальше штаба Брянского фронта не ушел.

Временное командование войсками Брянского фронта 7 июля 1942 года было возложено на генерала Н.Е. Чибисова. У Лизюкова с Чибисовым в день гибели командарма состоялся тяжелый разговор, после которого Лизюков сел в танк и помчался выполнять приказ.

Долгое время могила генерала Лизюкова была неизвестна. Хоронили героя во время боя. В 2008 году поисковый отряд обнаружил могилу. Останки были идентифицированы, перенесены в Воронеж и похоронены на Мемориале Славы с подобающим торжеством.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Иннокентий Андреевич Халепский* (1893–1938) — командарм 2-го ранга, нарком связи СССР. Член ВКП(б) с 1918 года. Сын портного. До революции работал телеграфистом. Образование: уездное училище и Высшие академические курсы при Военной академии РККА (1924). Участник Гражданской войны. В сентябре 1919 года — чрезвычайный уполномоченный по связи при РВС Южного фронта. В 1920 году — начальник Управления связи РККА. С 1934 по 1936 годы — начальник Автобронетанкового управления РККА, член Реввоенсовета СССР. С апреля 1937 года — нарком связи СССР. Предшественником на этом посту у Халепского был Г.Г. Ягода. Преемником — М.Д. Берман. Все расстреляны. В сентябре 1937 года арестован органами НКВД, обвинен в военно-фашистском заговоре в РККА. Военной коллегией Верховного суда приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 29 июля 1938 года на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован в 1956 году. Награжден: орденом Ленина, орденом Красного Знамени.

² О том, что это был за прием ленинградских следователей и какое воздействие он имел на подсудимых, описал в своих воспоминаниях «История моего заключения» Н.А. Заболоцкий: «Первые дни меня не били, стараясь разложить меня морально и измотать физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в своем кабинете, по временами слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекать, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог более переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали.(...) На четвертые сутки, в результате нервного напряжения, я начал постепенно терять ясность рассудка. Помнится, я уже сам кричал на следователей и грозил им. Появились признаки галлюцинации: на стене и паркетном полу кабинета я видел непрерывное движение каких-то фигур. Вспоминается, как однажды я сидел перед целым синклитом следователей. Я уже нисколько не боялся их и презирал их...»

³ Дом предварительного заключения — «Большой дом».

⁴ *Иван Захарович Сусайков* (1903–1962) — генерал-полковник танковых войск, политработник. Родился в деревне Давыдково Гжатского уезда Смоленской губернии в крестьянской семье. В 1924 году — красноармеец. В 1925 году окончил Военно-политическую школу. С 1928 года в танковых войсках. В 1929 году окончил военную школу и курсы политруков при Киевской высшей объединенной школе командиров РККА им. С.С. Каменева. С 1932 года — начальник штаба отдельного танкового батальона Московской пролетарской дивизии. В 1937 году окончил Военную академию механизации и моторизации Красной армии. В 1938 году присвоено звание «корпусной комиссар», назначен членом Военного совета Орловского военного округа. Участник советско-финляндской войны. В марте 1941 года назначен начальником Борисовского автотракторного (танкового) училища, 26 июня 1941 года — начальником Борисовского гарнизона и ответственным за участок обороны и переправы через р. Березину. В боях за Борисов тяжело ранен. После госпиталя был членом Военного совета Брянского, Воронежского, Степного фронтов. В 1942 году присвоено звание генерал-майора танковых войск. С 1943 года — член Военного совета 2-го Украинского фронта. Участвовал в аресте румынского диктатора маршала Антонеску. После войны — член Военного совета Южной группы войск, затем занимал другие должности в войсках. Награжден: тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, медалями.

⁵ *Неринг Вальтер* (1892–1983) — германский генерал танковых войск, кавалер Рыцарского Креста с Дубовыми Листьями и Мечами. На Восточном фронте с 22 июня 1941 года (с перерывами). 8 мая 1945 года взят в плен американцами.

⁶ Полк 1-й Московской мотострелковой дивизии полковника Я.Г. Крейзера.

⁷ Так в тексте.

ЛИТЕРАТУРА:

- Афанасьев Н.М. Первые залпы. — М.: Воениздат, 1982.
- Афанасьев И.Н. Судьба командарма Лизюкова: версии, мифы и правда. — М.: Вече, 2018.
- Барнет К. Военная элита рейха. — Смоленск: Русич, 1999.
- Барятинский М.Б. Танковые асы Сталина. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2018.
- Беляев И.Н. Золотые звезды родного края. — Смоленск, 1999.
- Бешанов В.В. Год 1942 — «Учебный». — Минск: Харвест, 2002.
- Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. — М.: 2009.
- Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Москва на линии фронта. — М.: Вече, 2016.
- Виноградов А.П., Виноградова А.А. Герой-командарм. — М.: Воениздат, 1967.
- Брейтвейт Р. Москва 1941. Город и его люди на войне. — М.: Голден-Би, 2006.
- Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942. — М.: АСТ, 2003.
- Грайс М. 98-я пехотная дивизия. — М.: Центрполиграф, 2013.
- Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Ростов на Д.: Феникс, 1998.
- Гунченков И.Ф. Солдатский подвиг командарма. — Калуга: Золотая аллея, 2005.
- Заболотский Н.А. Я воспитан природой суровой. (История моего заключения). — М.: Эксмо, 2008.
- Карасев В. Яхромский мост: Крах «Тайфуна». — М.: Яуза, 2019.
- Карел П. Восточный фронт. — М.: Изографус; Эксмо, 2003.
- Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных. — М.: Яуза, 2010.
- Кнышевский П.Н. и другие. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. — М.: Русская книга, 1992.
- Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. — Смоленск: Смядынь, 2004.
- Красильников И.А. Сорок третья армия в 1941-м году. — Подольск.: «Информация», 2007.
- Мейер-Детринг В. 137-я пехотная дивизия. — М.: Центрполиграф, 2013.
- Мельников В.М. Трагедия и бессмертие 33-й армии. — М.: Патриот, 2006.
- Милотин А. «Катюши» (БМ-13) на Западном направлении к началу операции «Тайфун». — aldr-m livejournal.com
- Митчем С.В. Мюллер Д. Командиры третьего рейха. — Смоленск: Русич, 1997.
- Михеенков С.Е. Трагедия 33-й армии. — М.: Центрполиграф, 2012.
- Михеенков С.Е. Остановить Гудериана. — М.: Центрполиграф, 2013.
- Музей Смоленского областного центра героико-патриотического воспитания молодежи «Долг». — Д. 34. Отчеты работы поисковой группы от 4.11.95.
- Мухин Ю.И. Война и мы. — М.: Б-ка газеты «Дуэль», 2000.
- Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. — Москва, 1999.
- Наумов А.Ф. На Варшавском шоссе. — Алма-Ата, 1968.
- Ополчение на защите Москвы. Сборник под ред. А.М. Петрова. — М.: Московский рабочий, 1978.
- Пальчиков П.А. Взятый меч. Жизнь и судьба Дыбенко. — М.: журнал «Москва», 2007, № 11.
- Провал гитлеровского наступления на Москву. — М.: Наука, 1966.
- Прусакова Н.А. События Московской битвы. Образы времени. — Калининград, ООО «Аксиос», 2015.
- Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — М., 1971.
- Райнике А. 5-я егерская дивизия. — М.: Центрполиграф, 2014.
- Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М.: Вече, 2010.
- Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — М.: Голос, 2000.
- Сандалов Л.М. На московском направлении. — М., 2000.
- Свердлов Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова. — М.: Монолит, 2002.
- Соколов Б.В. Тайны Второй мировой. — М., 2000.
- Фоменко В. «Катюша» — правда и мифы о создателях грозного оружия. — www.elektron2000.com
- Хаупт В. Битва за Москву: Первое решающее сражение Второй Мировой. 1941–1942. — М.: Центрполиграф, 2010.
- Чугунов Г. Горькая осень сорок первого. — Актобе.: ИД «Арсенал», 2010.
- Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха. — М.: Яуза, 2006.